

К ВОПРОСУ О НАСИЛЬСТВЕННОМ ПЕРЕСЕЛЕНИИ
АРМЯН ШАХОМ АББАСОМ I

Н. К. КОРГАНЯН

Противоречивая по своему характеру политика, проводившаяся в Закавказье в отношении подвластных народов как сефевидской, так и османской администрациями, с достаточной полнотой освещена в научной литературе. Исследователи изучили, ввели в научный оборот и широко использовали весьма богатый фактический материал, содержащийся как в документальных, так и в нарративных источниках. Однако вопрос о природе этой политики нуждается, как нам кажется, в дальнейшем изучении. Применительно к Кызылбашскому государству Сефевидов эту политику принято называть ассимиляторской. Само по себе данное определение верно, однако в интересующем нас случае речь идет не только о присущей антагонистическому обществу тенденции ассимилировать подвластные народы.

С момента возникновения Кызылбашской державы в Иране между нею и Османской империей началась ожесточенная борьба за обладание Закавказьем и территорией исторической Армении. Причиной вражды между этими двумя мусульманскими государствами послужило стратегическое положение Армянского нагорья¹. Прямым следствием столкновения стратегических интересов Ирана и Турции явилось *стремление уничтожить коренное население исторической Армении*, что облегчило бы задачу установления собственного владычества над данной территорией. Эту тенденцию мы называем условно *психологией деэтнизации*. Наконец, существует еще один аспект, отмеченный акад. А. Г. Иоаннисяном: чтобы избежать этнической консолидации подвластных Ирану народов (что могло бы привести к возникновению организованной оппозиции), на месте выселенных из Ереванской области армян поселялись кызылбашские племена², сами же армяне, а также азербайджанцы и грузины, были расселены по районам центрального Ирана³. «В Ереванской области,—пишет И. П. Петрушевский,—в XVI веке были поселены части кызылбашских племен устаджлу и байят, при Аббасе I были поселены также ахча-койюнлу каджар...»⁴. При этом официальные власти сознательно поощряли вражду между подвластными кызылбашскому Ирану народами, старались сеять раздор внутри каждой общины. А. Г. Иоаннисян метко назвал эту тактику, которую, кстати, применяли и преемники Аббаса I, «политикой обессиливания»⁵.

¹ См. Ա. Կ. Երկերի ժողովածու. Հ. III, գիրք I, Երևան, 1969, էջ 171:

² И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, с. 141; см. также Ա. Գ. Հոգեհոգիականության հարցի վերաբերյալ. Գիրք Բ, Երևան, 1959, էջ 96—97:

³ Ա. Գ. Հոգեհոգիականության հարց. Էջ 96:

⁴ И. П. Петрушевский. Указ. соч., с. 141.

⁵ Ա. Գ. Հոգեհոգիականության հարց. Էջ 97, 98:

В то же время официальные власти стремились привлечь к себе и сделать своей опорой лояльные в отношении Сефевидского режима элементы, каковыми среди армян, вследствие уничтожения армянской потомственной феодальной аристократии и ликвидации крупного наследственного светского землевладения, были имущие слои—прежде всего купеческое сословие и монофизитское духовенство.

Думается, именно в свете названных выше аспектов политики, проводившейся шахом Аббасом I, его предшественниками и преемниками в отношении полвластных народов, и следует рассматривать массовую депортацию жителей Армении, осуществленную в 1604—1605 гг. по повелению шаха и вошедшую в историю под названием «великого сургуна»⁶. В качестве предлога для депортации была использована сложившаяся к тому времени военно-стратегическая обстановка. Согласно сообщению выдающегося армянского историка XVII в. Аракела Даврижеци, когда Аббас I, призвав к себе армянских вельмож, предложил, чтобы жители Армении в интересах собственной безопасности покинули свои жилища и прошли путь нескольких дней, а затем, по окончании войны—независимо от ее исхода,—возвратились на свои места, он ссылался на ожидаемый приход османских войск и возможное появление грабителей. Армянские вельможи разгадали истинные намерения иранского монарха и старались выиграть время. Поняв, что маневр оказался неудачным и что его хитрости армяне противопоставили свою, шах решил действовать открыто. «Он призвал к себе своих *нахараров* и назначил из них надсмотрщиков и проводников жителей страны с тем, чтобы каждый князь со своим войском выселил бы и изгнал население одного *гавара*»⁷. «Шах приказал,—продолжает Даврижеци,—под страхом меча, смерти и плена выселить [жителей] отовсюду, куда только они могли добраться, изгнать их и не оставить ни единой живой души, будь то христианин или магометанин, согласный [на переселение] или несогласный или нарушитель приказа царя» (Д, 62).

Таков был, по выражению Даврижеци, «всесокрушающий и жестокий царский приказ», во исполнение которого «каждый из военачальников выступил со своим полком и устремился в тот *гавар* страны армян, куда ему было приказано; словно бушующее пламя, бегущее по тростнику, они погнали перед собой объятых паникой и тревогой жителей *гаваров*, выселенных отовсюду из их жилищ, и насильно гнали, подобно огромному сонмищу стад⁸, пока не довели до Араратского *гавара*, где они заняли от края до края всю обширную равнину» (Д, 62—63). При этом «персидские войска, посланные выселять народ, изгоняли его из деревень и городов, предавали огню и безжалостно сжигали все поселения, дома и обиталища. А также заготовленные впрок сено и солома, пшеница и ячмень и другие припасы—все было уничтожено и предано огню» (Д, 63). О насильственном выселении жителей Армении и о

⁶ И. П. Петрушевский переводит слово «сургун» как «выгонка» (см.: И. П. Петрушевский. Азербайджан в XVI—XVII вв.—Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949, с. 278).

⁷ Аракел Даврижеци. Книга историй. Пер. с арм., предисл. и комм. Л. А. Ханларян. М., 1973, с. 61—62 (далее ссылки в тексте сокращенно: Д, страница).

⁸ В своей работе «Армянское книгопечатание» (*Հայկական տպագրություն, թիֆլիս, 1901*) Лео настойчиво сравнивает армян-переселенцев со стадами скота, отарами овец, называет их рабами (см. с. 67, 69—70, 72—73, 76). Однако в труде того же автора «История Армении» эти сравнения отсутствуют (см. *Հ. Ե. Ե. Երկրի ժողովածու, հ. III, գիրք I, էջ 241—252*).

предании огню их жилищ и имущества читаем и в колофоне-хронике 1608 г.⁹

Если автор этого колофона ссылается исключительно на сложившуюся военно-стратегическую обстановку, то Даврижеци отчетливо сознает, что тут сыграли роль и другие соображения. Изложив намерение Аббаса I сделать страну безлюдной и тем самым поставить османскую армию в затруднительное положение, Даврижеци замечает: «Кроме того, изгнанное население [в Персии] стало бы неотвратимо и на веки тяглыми рабами и земледельцами» (Д, 61). Говоря о методах, к которым прибегали иранские воины при выселении армян, он добавляет: «А также, чтобы у изгнанного населения при виде этого дрогнуло бы сердце и оно не вернулось бы обратно» (Д, 63). Как видим, *заранее принимались меры по предотвращению возможной реэмиграции изгнанников*.

Итак, все изгнанники (включая жителей Ереванской области) скопились на Араратской равнине. К сожалению, невозможно указать точное число переселенцев. В своем исследовании «Труд Аракела Даврижеци как первоисточник по истории сефевидского Ирана XVII в.» Л. Г. Данегян отмечает, что вопрос этот остается трудноразрешимым, что в ходе сличения данных, содержащихся в первоисточниках и исследованиях, вырисовывается запутанная картина, можно встретить также разноречивые цифры. Приводя некоторые данные, Л. Г. Данегян заключает, что, может быть, близки к действительности подсчеты А. Аракеляна¹⁰, согласно которым число переселенцев было равно «приблизительно 500—600 тысячам, но дошло до Ирана около 250 тысяч»¹¹.

Известное представление о масштабах «великого сургуна» дает сообщение в «Книге историй» Даврижеци: «При переселении он (шах Аббас I,— Н. К.) изгнал в Персию [жителей] не одного или двух, а многих *гаваров*, начиная с границ Нахичевана через Ехегадзор, вплоть до берегов Гегамских (берегов озера Севан,— Н. К.), Лорийский и Хамзачиманский *гавары*, Апаран, Шарапханэ, Ширакван, Заришат и часть селений Карса, все ущелье Кахзвана, всю область Алашкертскую, селения Маку и область Ахбак, Салмаст, Хой и Урмию, и всех чужбинников и странников, оставшихся в городе и селениях Тавриза, всю долину Араратскую, город Ереван, землю Кырхбулахскую, ущелье Цахжунуц, ущелье Гарни и Урцадзор. А еще до того, разграбив и заплотив, изгнали [население] *гаваров* Карина и Басена, Хнуса и Маназкерта, Арцкэ и Арчеша, Беркри и Вана—добычу и пленных доставили в Ереван и погна-ли дальше вместе с другими» (Д, 71). И другой видный автор XVII в. Закарий Канакерци перечисляет области исторической Армении, жители которых были насильственно изгнаны из родных мест, но в несколько

⁹ Эта памятная запись либо фрагментарно, либо в краткой редакции встречается в ряде рукописей XVII в. (см. XVII դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, հազմեցին Վ. Ա. Հակոբյան, Ա. Գ. Հովհաննիսյան, հ. 1, Երևան, 1974, հ. 2, Երևան, 1978 (далее: «Памятные записи...»); впервые опубликована полностью В. А. Акопяном в сб. «Мелкие хроники» (Մանր ժամանակագրություններ XIII—XVIII դդ. հ. 1, Երևան, 1951, էջ 181—187):

¹⁰ А. Аракелян—редактор газеты «Мшак».

¹¹ Ա. Գ. Դանեգյան. Առաջին Դավրիժեցու աշխատությունը որպես XVII դարի սեփյան թրանի պատմության սկզբնաղբյուր. Երևան, 1978, էջ 103—106:

ином порядке, чем Даврижеци, имеются также некоторые различия в географических названиях¹².

Очень выразительны следующие слова Даврижеци о размерах стана переселенцев на Араратской равнине: «... они заняли от края до края всю обширную равнину. Ширина стана простиралась от подошвы Гарнийских гор до берега большой реки Ерасх (Аракс, — Н. К.), а длину его я [лишь] укажу, а ты сам измерь—путь одного дня. Но я видел, в другом месте было написано путь пяти дней» (Д, 63). Наконец, в колофоне-хронике 1608 г. говорится: «Жестокими ударами и с безмерной поспешностью стали они (иранские воины.— Н. К.) [переселять людей] от земли Ширикавана и Карса до *гавара* Гохтан—такое пространство сделали они необитаемым и [лишенным] жителей...»¹³

«Таким образом,—продолжает Даврижеци,—образовались как бы три великие неисчислимые рати: первая—рать народная, вторая—персидское войско и третья—войско османов. И так сложились обстоятельства, что когда уходила рать народная, в их стаче, остановившись, располагался шах Аббас с персидским войском, а по выступлении их располагался Джгал-оглы (Джгали-заде Синан-паша, — Н. К.) с войском османов. Так, идя след в след, наступая друг другу на пятки, шли они до тех пор, пока персы не пришли в местечко Джуга (ныне Джульфа, — Н. К.) и османы не дошли до Нахичевапа» (Д, 63). И тогда иранские воины, повествует далее историк, стали торопить народ, чтобы заставить быстрее перейти реку. При этом, с целью устрашения изгнанников, им наносили смертельные удары, отсекали ноздри и уши, а кое-кому отрубили головы и воткнули на шесты (Д, 63—64). Автор «Книги историй» объясняет эту поспешность и акты жестокости, совершенные на берегу Аракса, приближением османской рати. Переправу через Аракс можно считать самым трагическим эпизодом «великого сургуна». Несмотря на обильные горькие слезы, которые, по словам Даврижеци, «породили второй Ерасх», несмотря на плач, крики и стоны, которые «слились в единый громкий вопль» (Д, 64), безжалостные иранские воины, «согнав людей, заставили их войти в воду... и переправлялись они, кто ухватившись за край лодки, кто держась за плоты, иные—за хвосты лошадей, быков и буйволов, а другие—вплавь» (Д, 65). В колофоне-хронике 1608 г. подчеркивается нехватка лодок¹⁴. Даврижеци пишет: «Не умеющие плавать и немощные старики и старухи, мальчики, девочки и младенцы—сплошь устилали реку и она, подхватив их, несла подобно соломинке в весеннее половодье» (Д, 65). Согласно Даврижеци и автору колофона-хроники 1608 г., иранские воины увозили детей, либо обманув родителей, либо захватив тайком, либо отняв у родителей силой или убив родителей. Все они действовали с сознанием полной своей безнаказанности, «ибо среди них было велико смятение от страха [перед] врагами, от которых они бежали с горечью в душе»¹⁵. По словам Даврижеци, все то же опасение по поводу прихода османской армии побудило шаха Аббаса направить изгнанников не по так наз. «Большой царской дороге», а трудными горными путями, что причиняло этим несчастным новые тяготы и лишения. Следуя, по-видимому, уже установившейся

¹² Закарий Канакерци. Хроника. Пер. с арм., предисл. и комм. М. О. Дарбинян-Меликян. М., 1969, с. 47.

¹³ Памятные записи... Т. I, с. 285.

¹⁴ Там же, с. 286.

¹⁵ Памятные записи... Т. I, с. 286.

традиции, автор колофона-хроники 1608 г. упоминает о больных старцах, едва плетущихся из-за болезней, о горько плачущих новобрачных и обнаженных девушках и молодых женщинах, подвергшихся поруганию. «Пробудись, пробудись, Иеремия,—с горечью восклицает он,—сочиняя, составь сборник горестных песен, повтори древний плач: «Дети просят хлеба, и никто не подает им»¹⁶.

Призванные выше данные Даврижеци и колофона-хроники 1608 г. тем более ценны, что с их помощью можно без особого труда опровергнуть тенденциозные сообщения Искандара Мунши—секретаря и придворного историкографа Аббаса I. Следует отметить, что среди иранских придворных историкографов бытует своеобразная традиция, в силу которой каждый из авторов стремился объяснить любое действие царствующего шаха—современника и покровителя данного автора—заботой о благе подданных. Не составляет в этом смысле исключения Искандар Мунши, по мнению которого «великий сургуи» был результатом заботы Аббаса I о местном населении¹⁷. Как мы уже видели, факты свидетельствуют об обратном.

Не избегли общей участи и жители Джуги—местечка, купеческое сословие которого играло, как известно, важную роль в торговле Ирана с западноевропейскими странами. Даврижеци объясняет решение о выселении жителей Джуги завистью, которую испытал шах Аббас при виде богатства местных купцов, устроивших ему пышный и торжественный прием (Д, 52—53)¹⁸. Шаху было чему удивляться: джугинские торговцы неоднократно бывали в Европе, особенно в Италии, и многое переняли из жизни и быта европейцев; автор колофона-хроники 1608 г. называет их дома дворцами, и действительно, их многочисленные комнаты были убраны и обставлены по-европейски.

Впрочем, богатство джугинских ходжей вряд ли было чем-то новым для Аббаса I, который с первых лет правления взял их под свое покровительство¹⁹ и не мог не иметь представления об их имущественном положении. И поскольку стремление путем переселения известных своим трудолюбием армян дать импульс развитию производительных сил в центральном Иране сыграло не последнюю роль при принятии решения о «великом сургуе», Джуга вместе с сосредоточенным в ней торговым капиталом не могла остаться неприкосновенной. С другой стороны, если бы население Джуги осталось на месте, это поддерживало бы у остальных изгнанников стремление возвратиться в родные края.

Выселение джугинцев было осуществлено обычными для данного случая методами. По изгнании жителей, как повествует Даврижеци, шах Аббас снова направил в Джугу войско с повелением поджечь все строения, дома и иные сооружения. «И направились сейчас же в Джугу большие банды с горящими факелами, тростниками, светильниками, наполненными керосином, начали поджигать, предали все огню, руша кровли и ломая каменные строения. И не осталось там ни одного целого здания: все было разорено и осквернено» (Д, 77). По поводу сожжения

¹⁶ Там же, с. 286—287. Цитируется «Плач Иеремии», IV, 4.

¹⁷ Լ. Ք. Քալիկոյան, նշվ., էջ 109.

¹⁸ В уже упоминавшейся работе «Армянское книгопечатание» (т. I, с. 66) Лео пишет: «Бедняги не знали, что, подобно наивным детям, они играли с уничтожающим все огнем и в этот день подписали свой смертный приговор». В его же «Истории Армени» этот комментарий отсутствует.

¹⁹ В. А. Байбуртян. Армянская колония Новой Джульфы в XVII в. Ереван, 1969, с. 15.

Джуги сетует иерей Иакоб в колофоне рукописи № 396 монастыря Сурб-Саргис в Исфахане, датированной 1607 г.: «...из-за запаха гари [на расстоянии] однодневного пути у человека перехватывало горло и прекращалось дыхание. Еще: [по] причине этой напасти—из-за густого дыма—не светило солнце»²⁰. Думается, эти жалобы, прозвучавшие два года спустя после происшедшего, дают достаточно наглядное представление о том, сколь усердно действовали в Джуге непосредственные исполнители шахского приказа.

После того как изгнанники дошли до центрального Ирана, их расселили по различным областям. По сообщению Даврижеци, горожан (т. е., видимо, ходжей) поселили в самом Исфахане, крестьяне же были расселены «в горах вокруг Исфахана» (Д, 66—67), однако пятьсот семей из них поселили в Ширазе. В главе, посвященной джалалийским движениям, Даврижеци упоминает армян, поселенных в Фарахабадской области (Мазандаран, где находилась летняя резиденция шаха,—Д, 95). Рассредоточение переселенцев, по-видимому, облегчало задачу наблюдения за ними—в частности, с целью предотвращения побегов и реэмиграции. В главе 33-й «Книги историй» Даврижеци повествует о специальной страже, призванной не допускать бегства поселенных в Фарахабаде армян и убивать всех тех, кто пустится в путь, не имея на то специального письменного разрешения (Д, 335). С аналогичной целью были представлены шахский вельможа и воины к армянам, поселенным в Исфахане (Д, 137).

Однако открытый надзор был отнюдь не единственным средством достижения этой цели. Чисто административные меры предназначались явно для простолудиров. В этом смысле не случайно, что, говоря об обнищании прибывшего в Исфахан армянского населения, Даврижеци оговаривает: «...за исключением джугинцев и ереванцев» (Д, 137). Вероятно, автор имеет в виду именно ходжей. Как указывалось выше, с первых же лет своего царствования шах Аббас оказывал покровительство джугинским купцам. Это вполне соответствовало одной из поставленных им целей—добиться перемещения торгового пути с суши на море. В таком случае Турция лишилась бы солидного источника дохода. А если учесть, что Джуга была одним из главных центров торговли шелком, который в связи с развитием европейской мануфактуры приобрел значение важнейшего товара²¹, станет ясно, сколь важно было для шаха нахождение джугинского торгового капитала в непосредственной близости от шахской резиденции; как известно, колония джугинских купцов—Новая Джуга—была основана под Исфаханом. Даврижеци описывает жилища ходжей следующим образом: «[джугинцы] застроили... своими домами и жилищами... сводчатыми [торговыми] рядами, дворцами с пристройками и летними беседками, стройными и величественными строениями, затейливо украшенными разнообразными и ласкающими взор золотыми и лазурными цветами. Построили также дивно убранные церкви, достойные славы господа, с небоподобными *хоранами*, высоченными куполами, сплошь раскрашенными разноцветными красками, золотом и лазурью, с [изображениями] страстей господних и ликами святых. И на маковке купола каждой церкви, на гордость христианам, венчая церковь, был воздвигнут образ святого креста» (Д, 78).

²⁰ Памятные записи... Т. I, с. 268.

²¹ В. А. Байбуртян. Указ. соч., с. 22.

Несколько ниже Даврижеци пишет, что Аббас I «по доброй воле своей приказал построить повсюду в Джуге и селениях церкви, а внутри крепости городской—просторную и высокую церковь; он благоволил к христианам и сам увещевал их строить церкви» (Д, 79). Итак, шах Аббас, добившись своей цели, изменил отношение к армянам, вернее—к верхушке армянского купеческого сословия, крупным негоциантам, ведшим оптовую торговлю восточными товарами с крупнейшими торговыми центрами стран Западной Европы.

Льготы, предоставленные шахом джугинским купцам, и в первую очередь касающиеся религии, вызвали недовольство придворной знати и высшего шиитского духовенства. Шах разъяснил по данному поводу, что поступает так исключительно с целью удержать армян на новом месте жительства в интересах расцвета Кызылбашской державы, что, будучи оторваны от родной земли, последующие поколения армян сами станут постепенно забывать религию предков и принимать ислам, между тем как грубое принуждение лишь усилит стремление бежать и оставаться верными христианству (Д, 79—80)²².

Поскольку «Книга историй» была, как известно, написана десятилетия спустя после «великого сургуна», ее автор уже мог судить о том, насколько обоснованными оказались расчеты Аббаса I. Даврижеци считает, что «слова, сказанные шахом Аббасом, полностью исполнились сейчас, в наши дни: все старики, родившиеся в Армении и переселившиеся оттуда в Персию, умерли, и хотя была у них мечта вернуться в страну свою, но [осуществить ее] они не смогли... а также [потому, что] им не позволяли персы. А потомки их, [те], кто родился в Персии, там были вскормлены, полюбили эту страну, поэтому живут там, и хотя некоторые из них—благочестивые и честные люди—хотят перебраться в Армению, персы не позволяют им уехать» (Д, 80). Другой причиной, по мнению Даврижеци, являются злоупотребления, связанные с применением закона имама Джафара, согласно которому преимущественным правом наследования пользуются те из родственников христианина, кто принял ислам²³. При этом историк указывает, что одни из вероотступников осылаются на действительные родственные связи, другие, подкупив лжесвидетелей, требуют уплаты несуществующего долга, либо облыжно называют себя родственниками своих жертв. Все это позволяет вероотступникам завладевать имуществом христиан, то есть армян (Д, 80—81).

Из воспроизведенных нами вкратце сетований Даврижеци видно, что речь идет о действительных или мнимых родственниках зажиточных христиан; на их имущество и зарислись так наз. «джадид-ул-исламы», то есть новообращенные мусульмане. «Характерно,—пишет по данному поводу А. Д. Папазян,—что в данных центральным Диван-ал-Садаратом фетвах, которые все без исключения утверждены шахскими ферманами, вопрос этого предпочтения (в пользу «новообращенных мусульман»,— Н. К.) не ставится столь остро; тем более, что большая часть сохранив-

²² Л. А. Ханларян считает, что «Аракел, дабы не была превратно понята роль шаха Аббаса в трагедии армянского народа», вкладывает в его уста эти слова (Аракел Даврижеци. Книга историй, с. 23). Л. Г. Данегян пишет, что у Даврижеци «несколько примитивно, однако правдиво раскрыта цель шаха, которая подтверждается его последующими шагами» (Л. Գ. Դանեգյան. *Արք. աշխ.*, էջ 176).

²³ О законе имама Джафара см.: А. Д. Папазян. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI—XVII вв. Ереван, 1972, с. 159—162.

шихся документов относится к спорам, возникшим между непосредственными наследниками. Между тем, в фетвах шариатских присутствий Еревана, Нахичевана и других мест, в которых рассматриваются споры между непосредственными наследниками, предпочтение, отдаваемое наследникам-мусульманам, особо подчеркивается»²⁴.

В качестве дополнения отметим, что специальное подчеркивание предпочтения, отдаваемого «джадид-ул-исламам» в фетвах центрального Диван-ал-Садарата, могло бы вызвать весьма нежелательный для шахской администрации резонанс со стороны купцов Новой Джуги, расположенной в непосредственной близости от Исфахана. Согласно Турнефору, шах не принуждал джугинских армян принимать ислам, так как принадлежность к христианской религии облегчала им торговые сношения с европейскими странами²⁵. Как говорилось выше, Аббас I был непосредственно заинтересован в стимулировании подобных сношений. Кроме того, религиозная нетерпимость в Иране могла побудить ходжей не возвращаться из-за границы. Естественно, что это было бы весьма нежелательно для шаха, который, как известно, использовал джугинских купцов и в качестве дипломатов. Вспомним, кстати, что армянские купцы играли роль дипломатических агентов Сефевидской державы не только при шахе Аббасе, но и при его предшественниках и преемниках. Однако особое развитие указанное выше посредничество получило именно при Аббасе I. Ходжи неоднократно возглавляли отдельные миссии либо входили в состав посольств. Кроме того, семьи богатых и влиятельных джугинских купцов проживали в европейских странах и выполняли роль постоянных представителей шахского двора. Например, представителем шаха в герцогстве Тосканском была семья Мирманын²⁶.

Дипломатические усилия шаха Аббаса были направлены на то, чтобы, во-первых, обеспечить выгодные условия сбыта шелка-сырца, вывоз которого (как и ряда других товаров) был объявлен шахской монополией, во-вторых, переместить торговый путь с суши на море, в результате чего, как уже отмечалось, Турция лишилась бы солидного источника дохода, и, в-третьих, создать антитурецкую коалицию с участием европейских держав. Во всех трех случаях роль посредников возлагалась на джугинских купцов. Оставляя в стороне вопрос, в какой мере шаху удалось добиться поставленных им целей²⁷, обратим внимание на то, что роль ходжей во внешней торговле и внешнеполитических связях сказывалась на их взаимоотношениях с шахской администрацией, причем характерно, что в ряде случаев ходжи использовали свое влияние не только на придворную верхушку, но и на самого монарха для защиты общеперсидских интересов, в частности—в борьбе против происков католической пропаганды.

Считаем нелишним сослаться по данному поводу на три сообщения Даврижеци, где роль ходатая играет Ходжа-Назар, принадлежавший к купеческой династии, представители которой пользовались большим уважением шаха (Д, 516).

В 1610—11 гг. Ходжа-Назару удалось сорвать вывоз в Европу церковных святынь католическими миссионерами (Д, 157—167).

²⁴ Там же, с. 159.

²⁵ См.: В. А. Байбуртян. Указ. соч., с. 21.

²⁶ См.: там же, с. 29—30.

²⁷ См. подробно: там же, с. 26—85.

чае, определенной части армянского монофизитского духовенства³³. Что касается ходжей, то торговые интересы заставляли основную их часть проявлять лояльное отношение к деятельности католических миссионеров. С другой стороны, их побуждала к этому поддержка, которую и сам шах и его преемники оказывали миссионерам, руководствуясь при этом как дипломатическими соображениями, так и логикой «политики обесиливания».

Но если ходжи, как правило, стремились приспособиться к сложившейся ситуации, то монофизитское духовенство, наоборот, вело открытую, упорную и порой ожесточенную борьбу с католическими миссионерами, искусно используя при этом изменения настроения как у шаха, так и у тех или иных придворных.

Вспомним, что, согласно Даврижеци, инициатором преследования двух католических патеров, похитивших мощи из храма св. Рипсима, явился католикос Давид Вагаршапатци. Как отмечает Л. Г. Данегян, и на этот раз отчетливо дало себя знать двойственное отношение Аббаса I к католической пропаганде. Когда побуждаемый католикосом Давидом Ходжа-Назар ходатайствовал перед шахом о преследовании патеров, иранский монарх при разрешении вопроса руководствовался не законами шара или урф³⁴, «а чисто политическими и дипломатическими соображениями, стараясь не дать своим приговором повода к ухудшению отношений Ирана как с Европой, представителями которой были упомянутые миссионеры, так и с сословием армянских ходжей и высшим духовенством, которое было сильно возмущено захватом мощей, совершенным миссионерами»³⁵. Мощи были отданы на хранение Ходжа-Назару и роду, к которому последний принадлежал, патеры же были отпущены на свободу. Даврижеци объясняет вторую часть этого решения следующим образом: «... поскольку в то время шах и франкский царь заключили между собой мирный договор...» (Д, 166)³⁶.

Что касается намерения разрушить кафедральный собор в Эчмиадзине и построить из тех же камней новый в Исфахане, то Даврижеци объясняет это следующим образом: шаху Аббасу внушили, что армяне тянут на родину нахождение там кафедрального собора Эчмиадзина, престола католикоса и десницы Григора Лусаворича, между тем, как мы знаем, «царь царей» был постоянно озабочен возможностью реэмиграции армян.

В своем двухтомном труде «История Новой Джуги, что в Исфахане» Арутюн Тер-Ованян приводит полный перевод указа о разрушении Эчмиадзина и о сооружении нового в Исфахане³⁷. «Мы послали,—пишет Аббас I,—некого мужа к воспитанному в святости Римскому папе, чтобы он послал в стольный город Исфахан кого-либо из христианских

³³ ժամանակագրութիւն Գրիգոր վարդապետի Կամախեցոյ կամ Գարանդղոյ. Երուսաղեմ, 1915, էջ 457—470:

³⁴ Մրֆ — пращацкие суды, руководствовавшиеся обычным правом, которые возглавлялись местными губернаторами и правителями. Особенно велика была роль судов урф в областях с немусульманским населением (см.: Персидские документы Матенадарана. Указы. Вып. II, с. 456).

³⁵ Լ. Գ. Դանեգյան. նշմ., աշխ., էջ 142:

³⁶ В комментарии к цитируемому нами отрывку Л. А. Ханларян указывает, что невозможно установить, которого из монархов имел в виду историк (Аракел Даврижеци. Книга историй, с. 521).

³⁷ Լ. Տեղ-Շոգիան. Պատմութիւն նոր Զուղայու որ յԱսպահան. նոր Զուղա, 1880, էջ 52—54:

священников или духовных [лиц], дабы он молился в упомянутой церкви той, в поучение народу, и нам да достанется от тамошних молитв»³⁸. По мнению А. Тер-Ованяна, «главной причиной неудачи этого дела послужило упоминание шахом в своем указе имени Римского папы и о том, что патеры вместе с армянскими [священниками будут] причастны к сооружению той церкви, особенно о пребывании патеров в той церкви в поучение народу, что означало возыметь главенство над армянами. Главные же [среди армян] Джуги, желая уничтожить власть папы или [прекратить] сношения папских [людей] с армянским народом, приложили все усилия, пока не осталось неисполненным повеление [содержащееся] в том указе». Несколько ниже автор пишет, что, несомненно, шах отдал такое повеление «по наущению посланников римской церкви, подданных европейских царей, или, может быть, легата самого папы, находившегося в Джуге, дабы по повелению государства армяне подчинились власти папы»³⁹.

«Нет сомнения в том, — пишет по данному поводу В. А. Байбуртян, — что Новый Эчмиадзин должен был стать опорой католицизма в Иране»⁴⁰. Нам кажется, что шахом Аббасом руководили оба мотива: положить конец стремлению армян к реэмиграции и, исходя из собственных коммерческих интересов, в известной мере пойти навстречу экспансионистским устремлениям европейских государств. Точно таким же образом одинаково приемлемы обе версии, касающиеся неудачи данного предприятия. Несомненно, восстание в Грузии и осада турецкой армией Еревана в 1616 г. отвлекли внимание шаха, что дало ходжам возможность выиграть время. Ухудшение отношений иранского правительства с Испанией также было на руку тем, кто не проявлял заинтересованности в исполнении повеления, предусматривавшего непосредственное подчинение армянской церкви римско-католической, поэтому усилия, направленные на отмену указа о разрушении Эчмиадзина, не остались безуспешными⁴¹.

* * *

Итак, в политике, которую проводили Сефевиды в отношении армянского и других подвластных им народов, отчетливо прослеживаются следующие три момента:

во-первых, *ассимиляторская тенденция*;

во-вторых, *психология деэтнизации*, то есть, в интересующем нас случае, стремление уничтожить коренное население исторической Армении с целью завладения этой стратегически важной территорией;

в-третьих, так наз. «*политика обессиливания*», то есть целенаправленное размещение подвластного населения таким образом, чтобы рядом друг с другом находились чуждые друг другу в этническом отношении народы, сознательное разжигание вражды между различными народами и старания сеять раздор внутри каждой общины.

При принятии решения о массовой депортации жителей Армении шах Аббас I руководствовался не только военно-стратегическими, эко-

³⁸ Там же, с. 52.

³⁹ Там же, с. 54.

⁴⁰ В. А. Байбуртян. Указ. соч., с. 129.

⁴¹ Изложение двух версий, касающихся причин неразрушения Эчмиадзина, взято нами из указ. соч. В. А. Байбуртяна (с. 129—131), См. также: Д, с. 173—174; 2. Ք յ ո Ր Պ Յ Ն. Զոգացիցի խոհա նազար և իւր ընտանիքը (առանձնաորից), էջ 161

номическими и коммерческими соображениями; здесь сыграли определенную роль и три указанных выше аспекта в политике, проводившейся в отношении подвластных народов. Об этом наглядно свидетельствуют меры по предотвращению реэмиграции переселенцев, принимавшиеся как в ходе самого «всликого сургуна», так и впоследствии, при преемниках Аббаса I. Далее, об этом свидетельствуют как косвенные, так и прямые меры, направленные на поощрение перехода христиан, в том числе армян, в ислам (а также применение закона имама Джафара), весьма обременительное налогообложение, использование тяжелого имущественного положения иноверцев, а то и прямое насилие, гонения, унижения и т. д. Однако старания, направленные на ассимиляцию иноверцев путем обращения в ислам, давали лишь частичный эффект, что мы можем отчетливо проследить применительно к армянам.

Как известно, случаи принятия мусульманства из-за наследства были более распространены среди имущего городского населения. Это ясно видно по большей части купчих, которые в основном относятся к торговцам-ходжам, ремесленникам, и т. п.; «...среди «джадид-ул-исламов» имелись и бывшие армянские священнослужители»⁴².

Разумеется, закон имама Джафара в полной мере относился и к ходжам Новой Джуги, но поскольку они играли важную роль в торговле Ирана с Западной Европой и в связи с этим шах Аббас даровал им некоторые привилегии, шахская и местная администрация избегала здесь подчеркивания непосредственной зависимости права на наследство от вероисповедания.

Что касается «политики обессиливания», то она, разумеется, имела определенный эффект, если учесть столкновение между армянами монофизитского и католического вероисповеданий, раскол среди высшего духовенства, вызванный борьбой Давида Вагаршапатци и Мелкиседека Гарнеци за католикосский престол, и т. д. И в то же время армянский народ решительно противился ассимиляторским тенденциям. Армяне предпочитали нести бремя тяжких налогов, чем идти на вероотступничество. С другой стороны, именно XVII век принес с собой новый культурный подъем. В XVII в. творили видные историки (Аракел Даврижечи, Закарий Канакерци), философы (Симеон Джугаеци, Ованес (Мркуз) Джугаеци, Воскан Ереванци). На всей территории исторической Армении, а также во многих переселенческих очагах, расположенных за ее пределами, оживилась деятельность по переписыванию рукописей⁴³.

На территории Армении, находившейся под владычеством Турции и Ирана, активизировался процесс консолидации армянского народа вокруг армянской монофизитской церкви. Как указывали классики марксизма-ленинизма, «западноевропейский мир... объединялся католицизмом. Это теологическое единство было не только идейным. Оно... существовало... не только в лице папы, но и прежде всего в лице церкви»⁴⁴. Аналогичной была роль армянской церкви, особенно ввиду того, что в Армении, давно лишившейся государственности, не было другой силы, способной объединить вокруг себя народ. Эчмиадзинская патриархия выступала в роли носительницы национальной культуры и в качестве

⁴² А. Д. Папазян. Указ. соч., с. 162.

⁴³ Достаточно отчетливое представление о масштабах деятельности по переписыванию рукописей дает сборник «Памятные записки...». Т. I и II.

⁴⁴ Ф. Энгельс. Юридический социализм.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 21, с. 495.

таковой возглавляла возрождение культурной и общественной жизни в стране. Этим можно объяснить тот факт, что проводимая Сефевидами в отношении армянского народа «политика обессиливания» в значительной степени оказалась сведенной на нет.

К несколько неожиданному результату привело опустошение довольно обширных территорий Армении. «Тактика выжженной земли», примененная шахом Аббасом I, не смогла остановить продвижение вперед османской армии. Наоборот, упадок производительных сил на этой важной в стратегическом отношении территории открыл путь грозному врагу, а границы Кызылбашской державы стали еще более уязвимыми. Поэтому центральное правительство пошло навстречу ходатайствам тогдашнего беглербега Еревана Амир-Гуна-хана Каджара, и жители ряда подвластных Ирану районов Западной Армении были переселены в Араратскую область; им были сделаны определенные послабления. Переселение жителей Западной Армении в Араратскую область не только объясняется стремлением восстановить экономику края⁴⁵, но и представляет собой проявление «политики обессиливания»⁴⁶.

ՀԱՆ ԱՅԲԱՍ I-ի ԿՈՂՄԻՑ ՀԱՅԵՐԻ ԲՈՒՆԱԳԱՎԹԻ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋՐ

Ն. Կ. ՂՈՐԱՆՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հայ ժողովրդի նկատմամբ սեֆյան պաշտոնական իշխանությունների վարած քաղաքական-
նությունն ըստ իր բնույթի հակասական էր: Մի կողմից ակներև էին երեք միտվածություն.
ա) «դեկլինիզացիայի հոգեբանություն», բ) ձուլելու ձգտում, գ) «չլատողական քաղաքականու-
թյուն»: Միաժամանակ, պաշտոնական իշխանությունները ջանում էին սիրաշահել վարչակարգի
նկատմամբ լույս տարրերին՝ ի դեմս առևտրական խավի և հայ միաբնակ հոգևորականության:
Հողվածում փորձ է արվում միմյանց հետ սերտորեն կապված այդ միտվածությունների լույսի
տակ դիտելու «մեծ բռնագաղթը» («մեծ սուրգունը»), որն իրագործվեց 1604—1605 թթ.⁴⁵ շահ
Աբբաս I-ի հրամանով, ընդ որում իբրև պատրվակ օգտագործվեց մինչև այդ պահը ստեղծված
ազմատրատեգիական իրավիճակը:

⁴⁵ ՏՄ. Հ. Դ. Փ ա փ ա ղ յ ա ն. Օտար տիրապետությունը Արարատյան մարզում (XVII դ.). —
ՀՍՍՀ ԳԱ «Արարեր հաս. գիտ.», 1977, № 1, էջ 32—33:

⁴⁶ Вспомним, что Аббас I поселил в Араратской области некоторые кызылбашские племена.